

ОТДѢЛЪ V.

С М Ъ С Ъ.

Къ вопросу о характерѣ и значеніи древнихъ «купальскихъ» обрядовъ и игрищъ.

Во многихъ мѣстахъ Россіи сохранились до настоящаго времени остатки древнихъ языческихъ обрядовъ и обычаевъ, приуроченныхъ ко дню св. Іоанна Крестителя (24 іюня), называемаго въ народѣ днемъ Ивана Купалы. Согласно общепринятому мнѣнію, это празднество совершалось въ честь поворота солнца съ лѣта на зиму и съ купальскими обрядами и игрищами соединялась у древнихъ язычниковъ мысль о замираніи плодотворныхъ силъ природы, послѣ лѣтняго солнечнаго поворота. По объясненію Аванасьева, солнце послѣ лѣтняго солнцестоянія, пускаясь въ зимнюю дорогу, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе теряетъ свою царственную власть надъ міромъ: дни сокращаются, ночи увеличиваются, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вся природа близится къ старости и увяданію. Въ лѣтніе жары народъ призывалъ бога-громоука погасить пламя солнечныхъ лучей въ разливѣ дождевыхъ потоковъ; но самое это погашеніе должно было напоминать древнему человѣку аналогическія представленія ночи, съ приходомъ которой земное свѣтло тонетъ въ волнахъ всемірнаго океана, зимы, которая погружаетъ его въ море облаковъ и тумановъ и, наконецъ, смерти, которая гаситъ огонь жизни. (Поэт. возр. слав. на пр. Аванасьева. III, 724).

Такой моментъ наши предки язычники и ознаменовали особыми купальскими празднествами и игрищами, совершавшимися около 24 іюня—около дня Ивана Купалы. Таково происхожденіе и значеніе купальскихъ обрядовъ.

Между тѣмъ, не смотря на общераспространенность вышеприведеннаго мнѣнія и на признанность этого мнѣнія многими авторитетами, согласиться съ нимъ едва ли возможно.

Какимъ образомъ могла соединиться у древняго язычника мысль о замираніи природы во время купальскихъ празднествъ—въ то самое время, когда силы природы достигаютъ именно наибольшей своей жизненности, когда солнце, по народному повѣрью, играетъ и пляшетъ на небѣ¹⁾, когда всѣ растенія разговариваютъ

¹⁾ Вышеприведенныя народныя повѣрья въ настоящее время во многихъ мѣстахъ приурочиваются къ празднику св. Пасхи, но въ старину они связывались съ днемъ Ивана Купалы. «Грае (играетъ) сонечко на Ивана», говорится въ одной старинной купальской пѣснѣ. (Гр. Кіев. Дух. Ак. 1871 г., т. 4, стр. 342). Въ «Вечери духовной», сочиненной іер. Синеономъ Полоцкимъ (ум. въ 1682 г.) говорится, что въ навечеріе Иванова дня нѣкоторые «доходятъ до такого безумія, что и касательно великаго небеснаго свѣтила суевѣрствуютъ въ тотъ день такимъ образомъ: не спятъ всю ночь въ ожиданіи восхода солнца, съ тѣмъ, чтобы, увидѣвши его, рассказывать, какъ оно играетъ, скачетъ съ мѣста на мѣсто и принимаетъ на себя различныя цвѣта» (Руков. для сельск. пастырей. 1860 г., стр. 228).

между собою и переходить съ мѣста на мѣсто, когда зацвѣтаетъ даже никогда не цвѣтущій папоротникъ?

Какимъ образомъ у грубаго, умственно неразвитаго язычника могла зародиться мысль о знѣхъ, когда наступало знойное лѣто, когда для оплодотворенной солнечными лучами земля наступалъ періодъ плодоношенія?

Трудно даже и съ очевидной натажкой отвѣтить на эти вопросы, трудно, если даже и предположимъ, что наши предки славяне жили первоначально въ болѣе теплыхъ странахъ на берегахъ Дуная. И тамъ, какъ всѣмъ извѣстно, въ іюнѣ мѣсяцѣ природа еще ничѣмъ не напоминаетъ зныи, а, напротивъ, находится, какъ говорится, въ полномъ разцвѣтѣ.

Если же это такъ, то и характеръ и значеніе купальскихъ празднествъ и игрищъ были совершенно иные.

Не мысль о замираніи природы соединялась съ купальскими празднествами и игрищами, не проводы лѣта представляли они, напротивъ съ ними соединялась мысль о полномъ и совершенномъ торжествѣ свѣта надъ тьмою, тепла надъ холодомъ, о полномъ утвержденіи богами свѣтлыми своего благодатнаго царства; съ этими празднествами соединялась мысль о свадебномъ союзѣ возмужавшаго солнца съ зарею.

Чтобы наше предположеніе не было голословнымъ, рассмотримъ поближе нѣкоторые купальскіе обряды и пѣсни. Въ одной изъ купальскихъ пѣсень говорится, что стояла верба, на вербѣ горѣли свѣчи.

Съ той вербы капля упала—
Озеро стало:

Въ озерѣ самъ богъ купався
Съ дѣтками судитками ¹⁾).

Что это былъ за богъ, купавшійся въ озерѣ съ дѣтками судитками? Начнемъ съ дѣтокъ-судитокъ. На нихъ указываетъ, повидимому, слѣдующая купальская пѣсня:

Черезъ наше село везено дерево.
Ой воно воно въ недѣлю рано
Изъ за моря далеко.
А зъ того дерева зроблена церковка,
А въ той церковцѣ чотири віконця:

Перво віконце—Василько, якъ сонце,
Друге віконце—Іванько, якъ сонце,
Трете віконце—Павличко, якъ сонце,
Четверто віконце—Налійко, якъ сонце.

Подъ окнами же въ небесномъ храмѣ, по мнѣнію г. Афанасьева, разутьются свѣтила дня и ночи (Поэт. возр. сл. на пр. I, 161).

Основываясь на словахъ вышеприведенной купальской пѣсни, нѣкоторые изслѣдователи видятъ въ купавшемся богѣ Свѣтовитѣ—верховное божество, возвышавшееся надъ всѣми богами славянъ. Дѣтки - судитки — подчиненныя ему божества свѣта: солнце, мѣсяцъ и заря. (Поэт. возр. I, 133 — 134). Въ купальскихъ пѣсняхъ этотъ Свѣтовитъ встрѣчается чаще всего подъ именемъ Иваса-Ивана. Такъ какъ всякое божество у нашихъ предковъ язычниковъ имѣло свою божественную супругу, то не обошелся безъ нея и Свѣтовитъ, замѣненный въ позднѣйшую пору Иваномъ Купаломъ. Народная фантазія поставляетъ Ивана Купалу въ связи съ женскими существомъ, представляемымъ подъ именами то Марьи, то Ганны, то Аграфены Купальницы, то какой-то Татьяны. По мнѣнію этихъ изслѣдователей, имѣя о купаніи бога въ озерѣ знаменуетъ собою купанье Свѣтовита съ его семействомъ въ волнахъ воздушнаго океана и его переправу черезъ этотъ океанъ въ загробный міръ зныи и смерти (Поэт. возр. III, 724), — переправу, начинающуюся во время купальскаго праздника.

¹⁾ Поэт. возр. II, 477.

Доступно-ли было такое возвышенное представлѣніе воображенію грубаго чувственнаго славянна язычника? Конечно нѣтъ и нѣтъ. Мы знаемъ, что большинство славянъ-язычниковъ не доостало даже и до вѣрованія въ единое верховное существо, правящее надъ міромъ: большинству ихъ не бываъ извѣстенъ Свѣтовитъ.

Между тѣмъ мнѣ о купаніи бога въ озерѣ, рассказываемый въ купальской пѣснѣ, можетъ бытъ объясненъ гораздо проще слѣдующимъ образомъ:

Богъ, купавшійся въ озерѣ, это солнце — божество славянъ. Въ купальской пѣснѣ мы находимъ прямое указаніе на это:

Ой за гаснѣ, за Дунаемъ,
Тамъ Ивасю конешъ грае (срав. «грае сонечко»...)
Зъ підъ Ивасця сідло с'яе (сіяеть).

Мнѣ этотъ зародился по всей вѣроятности тогда, когда наши предки язычники жили на берегахъ большого озера, а можетъ быть и моря, лежавшаго отъ нихъ на сѣверъ. Это озеро или море постоянно упоминается въ большинствѣ купальскихъ пѣсень:

Коло воды-моря ходили дивочки,
Коло Мареночки—Купало!

Самъ «тихій» Дунай, упоминаемый очень часто въ народныхъ купальскихъ пѣсняхъ, для всѣхъ жителей праваго его берега лежитъ на сѣверѣ (протекая съ З. на В.). Солнце, заходя постоянно подъ землю, за горизонтъ или же скрываясь «за лѣса дремучіе», съ наступленіемъ лѣтняго солнцестоянія должно было скрываться въ это время «не подъ землю», а «подъ воду», т. е. въ водное пространство, лежавшее на сѣверъ отъ первоначальнаго мѣста жительства нашихъ предковъ.

При первомъ взглядѣ на солнце, уходящее въ воду, у первобытнаго человѣка должна была родиться мысль о томъ, что солнце «утонуло». Отсюда и мнѣ о какомъ-то божествѣ, купавшемся и утонувшемъ въ озерѣ:

Купала на Ивана!
Купався Иванъ
Тай въ воду упавъ ¹⁾.

Мнѣ этотъ смѣняется затѣмъ простымъ мнѣніемъ о купаніи солнца, такъ какъ на другой же день язычникъ могъ увидѣть, что солнце не утонуло, но живо, что оно только купалось въ земныхъ водахъ. Въ Минской губ. существуетъ и до нынѣ народное повѣрье, что на Купалу солнце купается, а на Ивана сушится. Видѣть же это могутъ только счастливые люди передъ восходомъ солнца (Жив. Ст. 1893, 2 в., 284).

Неудивительно, что, переселяясь съ юга на сѣверъ наши предки язычники славяне встрѣчали на своемъ пути по направленію къ сѣверу множество рѣкъ, озеръ и рѣчекъ, около которыхъ они и селились. И постоянно при этомъ они изъ года въ годъ наблюдали тотъ фактъ, что ежегодно, когда наступаютъ самые длинные дни и самыя короткія ночи, обоготворяемое ими солнце «купается» въ водныхъ пространствахъ, лежащихъ къ сѣверу. Вмѣстѣ съ солнцемъ погружаются въ эти воды и зоря, и также мѣсяцъ и звѣзды—дѣтен-судитки солнца, точно также они «купаются» въ водахъ.

Правда, есть много и такихъ мѣстностей, гдѣ на горизонтѣ со всѣхъ сторонъ разстилается только безбрежное море травы или «лѣса дремучіе», но въ такихъ то мѣстностяхъ всего меньше и сохранилось среди населенія остатковъ древнихъ купальскихъ празднествъ. Фактъ вполне подтверждающій нашу гипотезу.

¹⁾ Старосв. бандуристъ. Закревскаго, № 19, стр. 25.

Купанье солнца происходит, как мы уже видѣли, въ періодъ лѣтняго солнцестоянія, въ періодъ его возмужалости, т. е. въ такой періодъ, когда человѣкъ чаще всего вступаетъ въ бракъ съ женщиною. Неудивительно, что и по мнѣнію язычниковъ славянъ къ этому періоду должно приурочиваться и бракосочетаніе возмужавшаго солнца.

По народному представленію мать солнца—это заря-зарница, ежедневно купающаяся утомившееся и запыленное солнце и затѣмъ отпускающая его обновленнымъ и сіяющимъ (Опытъ Ист. Обзор. Русск. Словеси. О. Милл. I, 31). Эта самая заря, по вѣрованію древнихъ язычниковъ, вступаетъ въ брачный союзъ со своимъ сыномъ солнцемъ (Поэт. возр. I, 598). Это вѣрованіе, какъ извѣстно, выразилось и въ народномъ жноѣ объ Андрѣ Первозванномъ, женившемся на своей матери (Тр. Кіев. Дух. Ак. 1871 г., 3 т., 566).

Но когда же было, по мнѣнію древняго язычника, всего приличнѣе, всего естественнѣе происходитъ солнечной свадьбы съ зарею, какъ не въ періодъ наибольшаго могущества солнца—въ періодъ лѣтняго солнцестоянія, когда по ночамъ «заря съ зарей сходится», т. е. заря свѣтитъ всю ночь, когда и заря достигаетъ наивысшаго могущества?...

Купанье солнца по языческому представленію было однимъ изъ актовъ совершавшейся солнечной свадьбы. Неудивительно, что омовеніе входитъ въ свадебный ритуалъ русскаго народа еще и до сихъ поръ.

Въ Угорской Руси на утро послѣ первой свадебной ночи молодые идутъ къ колодцу, гдѣ имъ зачерпываютъ ведро воды. Въ воду въ ведро опускается серебряная монета и этою водою умываются затѣмъ молодые (Свадебный обрядъ въ Угорской Руси. Жив. Стар. 1891 г., в. IV, стр. 131). Серебряная монета, опускаемая въ ведро, есть несомнѣнно эмблема солнца купавшагося въ день своей свадьбы въ водахъ. У нашего русскаго народа обрядъ омовенія совершается иногда до свадьбы, иногда же послѣ нея. Во всякомъ же случаѣ и наша свадебная баня представляетъ изъ себя остатокъ стариннаго омовенія, сохранившагося у угоруссовъ, а не есть одинъ только актъ чистоплотности.

Многочисленное значеніе свадебной бани проглядываетъ уже и въ предбанныхъ свадебныхъ пѣсняхъ, имѣющихъ нѣкоторое сходство съ пѣснями купальскими:

Какъ у нашеѣ пѣруши (бани)
Трои дырецы стеколычатыѣ,
Три окошечка косецагыѣ...
... Какъ и наша тепла пѣрушка
Вожена на красѣ,

Катана на бѣлыхъ коняхъ,
Она поставлена на пѣтъ
На красномъ мѣстечкѣ,
На крутомъ красномъ бережкѣ (Волог. губ.).

Срав. Церкву ставлять—вікна будутъ:

Одно віконце—ясне солнце,

Друге віконце—ясный місяць,

Трете віконце—ясны зирки (Поэт. возр. I, 161).

(Жив. Стар. 1894 г., в. I, стр. 99). Припомнимъ въ данномъ случаѣ, что и свадебное омовеніе солнышка происходитъ «на крутомъ красномъ бережкѣ».

Купанье солнца въ водѣ служило, какъ мы уже сказали и выше, однимъ изъ «моментовъ» солнечной свадьбы съ зарею, а такъ какъ это купанье совершалось въ земныхъ водахъ, то оно служило въ то же время и видимымъ знакомъ единенія небесныхъ силъ съ землею. Это единеніе призывало къ единенію и всѣхъ людей. Поэтому то, предположеніе, что около Ивана Купалы преимущественно совершались браки у нашихъ предковъ язычниковъ, является въ данномъ случаѣ весьма основательнымъ, особенно въ виду сходства многихъ купальскихъ обрядовъ и пѣсенъ съ такими же обрядами и пѣснями народной свадьбы. Очень можетъ быть, что лѣтописецъ, говоря:

«скождахуся на игрища, на плясанія и ту жоны собі умыкаху съ нѣмъ же кто свѣщашеса», именно и имѣлъ въ виду купальскія игрища и плясанія.

Но такъ какъ не всѣ могли вступать между собою въ единеніе посредствомъ брачныхъ союзовъ, то по поводу совершившейся солнечной свадьбы въ купальскій праздникъ многіе вступали между собою только въ «побратимство», «посестриство», «кумовство». Побратимство и посестриство, какъ извѣстно, обычай, весьма распространенный у всѣхъ южныхъ славянъ. День, въ который совершается побратимство въ южной Болгаріи, точно опредѣленъ обычаемъ—день этотъ день Ивана Купалы. Закрывающіе побратимство имѣютъ при себѣ по букету изъ зеленой ели, къ которому привязывается золотая или серебряная монета (эмблема солнца) (Жив. Стар. Вып. I, 1892 г., стр. 37). Остатки же древняго обычая «кумиться» сохранились и до сихъ поръ въ нашемъ народѣ.

Въ Ростовскомъ уѣздѣ, Ярослав. губ., дѣвушки, желающія покумиться, въ кумитное воскресенье (слѣдующее за Троицкимъ) заплетаютъ на березкѣ вѣнокъ и сквозъ этотъ вѣнокъ цѣлуются. Березка эта сохраняется до Троицына дня, когда она кидается затѣмъ въ воду. («Кумитное Воскресенье», Яр. Губ. Вѣд. 1892 г. № 51). Въ Рязанской губ., желающіе покумиться, плетутъ въ Троицу вѣнки и сквозъ вѣнки (вѣнокъ круглый—эмблема солнца) цѣлуются, послѣ чего вѣнки эти кидаютъ въ воду съ цѣлю узнать свою судьбу (Жив. Ст. В. IV, 1891 г., 199). Очевидно, что обрядъ «кумовства» стоитъ въ связи съ троицкимъ завиваніемъ вѣнковъ и гаданіемъ по этимъ вѣнкамъ.

Между тѣмъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что гаданье по вѣнкамъ совершалось первоначально въ день Ивана Купала, въ купальскіе праздники, а затѣмъ уже оно было перенесено на день св. Троицы.

Въ чистомъ первоначальномъ своемъ видѣ это гаданье сохранилось въ окрестностяхъ г. Углича Ярославской губерніи. «При завиваніи вѣнковъ на своего суженаго дѣвицы ноютъ:

Не засохнетъ вѣночекъ—
Не разлюбитъ дружочекъ.

Вѣнки остаются затѣмъ завитыми до Троицына дня. Въ Троицынъ день ходятъ ломать вѣнки. Если при этомъ окажется, что чей нибудь вѣнокъ развился, то сбывается загаданное... Оставшіяся вѣночки безъ измѣненія не обѣщаютъ пережвны въ жизни. Засохнувшій вѣнокъ означаетъ, что милый разлюбитъ. Сломивъ вѣнки, дѣвицы идутъ къ рѣкѣ или пруду; здѣсь вѣнки кидаютъ въ воду: чей вѣнокъ потонетъ—тотъ умретъ въ данномъ году; чей вѣнокъ, въ которую сторону поплыветъ—въ ту сторону владѣльца его и выйдетъ замужъ; вѣнокъ, стоящій неподвижно, не предвѣщаетъ никакихъ веревѣнь». (Яр. Губ. Вѣд. 1892 г. № 40). Таково троицкое гаданье по вѣнкамъ, совершающееся по нынѣ.

Это гаданье было перенесено съ какого нибудь языческаго праздника, такъ какъ Троицынъ день праздникъ христіанскій и притомъ переходный. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это гаданье было перенесено на Троицынъ день съ купальскаго праздника, въ который совершалось въ старину гаданье посредствомъ вѣнковъ.

Коло воды-моря ходили дѣвочки
Коло Мареночки—
Купало!
Грае сонечко
На Ивана!
Пішли дѣвочки та по ягідкѣ.
Коло воды-моря и т. д.
Уже дѣвочки поплели вѣночки

Коло воды-моря и т. д.
Віночки не вянуть, дѣвочки не влачуть,
Коло воды-моря и т. д.
Віночки завяли, дѣвочки сплкнули.
Коло воды-моря ходили дѣвочки
Коло Мареночки,
Купало!
Грае сонечко на Ивана!

Такъ описываетъ это гаданье старинная купальская пѣсня. Описаніе это подтверждается и описаніемъ іеромонаха Симеона Полоцкаго. «Иные собирають въ тотъ день (т. е. 24 июня) нѣкоторыя травы и по нимъ гадаютъ, пѣя такую вѣру, что если травы развѣтвѣтъ по истеченіи одной ночи, то загадываемое сбудется благополучно, а если не развѣтвѣтъ—унывають въ ожиданіи несчастья». (Рук. для Сел. Паст. 1860 г., т. I, стр. 228).

Очевидно, что троицкое гаданье на вѣнкахъ было приурочено первоначально къ купальскимъ игрищамъ. Здѣсь оно имѣло глубокий смыслъ: круглый вѣнокъ есть эмблема солнца, вѣнокъ пущенный на воду — эмблема «купающагося» солнца, въ честь котораго и совершались купальскія игрища. Но если это такъ, если троицкое гаданье на вѣнкахъ совершалось первоначально въ праздникъ Купалы, то очевидно, что въ этотъ праздникъ совершался и соединенный съ этимъ гаданьемъ обрядъ «кумовства». Всѣ люди соединялись между собою узами дружбы и любви, празднуя совершившійся брачный союзъ солнца в его омовеніе въ земныхъ водахъ играми «при звукахъ бубновъ, трубъ и струнной музыки», «плясаніемъ» и «главами киваніемъ», и «крикомъ неистовымъ».

Если мы примемъ высказанную нами гипотезу о происхожденіи и значеніи купальскихъ празднествъ, то легко можемъ дать объясненіе и тому народному повѣрью, что купаться до Иванова дня — грѣхъ. Безъ сомнѣнія грѣхъ осквернять купаньемъ воды, въ которыхъ должно было омыться божественное солнце. Но за то, послѣ этого омовенія, купанье дѣлалось не только позволительнымъ, но даже и цѣлебнымъ, такъ какъ воды, освѣщенныя солнцемъ, получили цѣлебную силу, а чрезъ эту воду и земля достигала наивысшей своей производительности. Не даромъ въ купальскихъ пѣсняхъ поется:

Иванъ да Марья
На горѣ купались:
Гдѣ Иванъ купався (т. е. солнце)

Берегъ колыхався,
Гдѣ Марья (зоря) купалась—
Трава разцвѣталась.

Не даромъ, по народному вѣрованію, въ купальскую ночь вся природа оживаетъ и получаетъ особенную силу: деревья переходятъ съ одного мѣста на другое, животныя и всѣ растенія разговариваютъ между собою и тотъ только можетъ понимать ихъ, кто имѣетъ у себя цвѣтъ папоротника, — растенія, цвѣтущаго только въ купальскую ночь. Такъ какъ папоротникъ служилъ прежде метафорою молніи, то очевидно отношеніе рассказовъ о немъ къ купальскому солнечному празднику: у хороватовъ это растеніе прямо называется перуновымъ цвѣтомъ, а у хорутанъ—*sunses*—солнечникъ ¹⁾.

По народному повѣрью купальская вода, вскипяченная вмѣстѣ съ пепломъ купальскаго костра, постоянно хранится у вѣдьмъ: когда она захочетъ летѣть, то обрызгиваетъ себя этою водою, тотчасъ же поднимается на воздухъ и летитъ, куда только вздумаетъ...

Но возвратимся опять къ остаткамъ древнихъ купальскихъ обрядовъ и игрищъ. До сихъ поръ во многихъ мѣстахъ въ ночь на Ивановъ день зажигаютъ костры, прыгаютъ черезъ нихъ взявшись за руки (парень съ дѣвушкою), причемъ замѣчаютъ, что если во время перепрыгиванья черезъ огонь руки ихъ не разнимутся, то они вступятъ въ супружество и будутъ счастливы.

¹⁾ У Хоруганъ или правильнѣе Словѣнцевъ солнце не сунце, а солнце или сѣнце, а *solnesa*—бѣлый нарцисъ *parciscus posticus*,—также горная арника, *arctica montana*. Есть еще слово *solnenica*—*helianthus*, подсолнечникъ, также возлотородникъ, *tegorogon*, *carbina asaulis*, колючникъ. (Слов. Вольфа-Илетершника. Люблина. 1895).

Обыкновенный огонь есть символъ огня небснаго солнца, онъ является на всѣхъ празднествахъ въ честь солнца (сжиганіе масляницы, костры въ Пасху)—ему вполне конечно уместно быть и на купальскомъ празднествѣ въ честь брачнаго союза солнца, тѣмъ болѣе уместно, что огонь въ то же время служить символомъ и домашнего очага. Въ купальскомъ обычаѣ огню приписывается таинственное вліяніе на судьбу человека, въ особенности на устревіе браковъ—вещь вполне понятная, такъ какъ судьба дѣвушки чаще всего рѣшалась у нашихъ предковъ въ купальскія празднества, посвященные солнцу, символомъ котораго и служитъ огонь. И до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ глухихъ поселкахъ волынскаго Полѣсья сохранился еще своеобразный свадебный обычай. Невѣсту прежде чѣмъ вести въ церковь для вѣнчанія, заставляютъ пройти черезъ огонь. Это испытаніе дѣлается съ цѣлю узнать, сохранила ли невѣста дѣвственность до замужества. По понятіямъ полѣшуконъ, огонь долженъ обжечь дѣвушку, если бы она рѣшилась на это испытаніе не будучи цѣломудренною. Испытаніе это производится такъ: по дорогѣ въ церковь раскладывается небольшой костеръ, черезъ который, въ присутствіи родныхъ и знакомыхъ, должна перешагнуть невѣста («Нов. Вр.» № 5303).

Сходство между купальскими и свадебными обрядами весьма разительно. Необходимую принадлежность купальскихъ игрницъ во многихъ мѣстахъ составляетъ «марѣна», «купаило», «вильце» и т. д. «Марена» въ большинствѣ случаевъ деревцо, украшенное цвѣтами и лентами, очень часто то деревцо, на которомъ завивались вѣнки. Вокругъ этого деревца дѣвушки въ купальскую ночь пляшутъ и поютъ купальскія пѣсни.

Коло воды-моря ходили дѣвочки
Коло Мареночки,—
Купало!

Парни стараются отнять у дѣвушекъ это деревцо и, если отнимутъ, то разрываютъ его, послѣ чего дѣвушки дѣлаютъ новую «марѣну». По окончаніи купальскихъ игрницъ «марѣна» кидается въ воду.

Слово марѣна находитъ себѣ объясненіе въ словахъ «марить»—припекать, «припарило»—припекло (когда говорится о солнечномъ припекаѣ), а также въ названіи одного красильнаго растенія марены, дающаго красный цвѣтъ. Очевидно, что со словомъ марена соединялось понятіе о свѣтоносной солнечной супругѣ — зарѣ-зарицѣ красной дѣвицѣ.

Среди лужицкихъ сербовъ распространено вѣрованіе, что въ полдень прохаживается какая-то Мара, заботясь о томъ, чтобы все хорошо росло, особенно травы (Срезневскій, «Жив. Ст.», в. II, 1890 г., стр. 60). Эта марена-мара и есть ничто иное, какъ солнечная невѣста, а затѣмъ супруга—«красная дѣвица зоря-зарица», купавшаяся вѣстѣ съ солнцемъ въ водахъ и обратившаяся въ нѣкоторыхъ купальскихъ пѣсняхъ въ Марью (Марена—Мара—Марья).

Припомнимъ, что, по вародному повѣрью, «на зарѣ трава растетъ», припомнимъ затѣмъ и слова купальскихъ пѣсней:

Гдѣ Марья купалась
Трава разцвѣталась.

И намъ будетъ ясно, что «марена» изображала собою ничто иное, какъ красную дѣвицу зарю, являвшуюся богиней покровительницей всѣхъ дѣвушекъ. Символомъ этой богини и являлось вышеупомянутое деревцо.

Съ купальскихъ праздниковъ, совершавшихся въ честь свадьбы бога солнца, эта «марѣна» подъ различными названіями перешла въ различныхъ мѣстностяхъ и въ ритуалъ народной свадьбы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ свадебное деревцо и деревцо купальскихъ обрядовъ носятъ даже одно и тоже названіе, такъ напр. въ Ростовскомъ

уѣздѣ Ярославской губ. оно называется и въ томъ и другомъ случаѣ «дѣвья красота», въ другихъ мѣстахъ оно извѣстно въ обоихъ случаяхъ подъ именемъ «рипея» и т. д. Правда, въ свадебныхъ обрядахъ это дерево служить уже символомъ дѣвичьей косы, эмблемой невинности, но вѣтъ сомнѣнія въ томъ, что свадебная «дѣвья красота» есть видоизмѣненіе только купальской «марены»: способъ приготовления, роль ихъ въ торжествѣ, а иногда и послѣдняя судьба ихъ (разрываніе на части) и въ томъ и другомъ случаѣ почти одни и тѣ же.

Съ теченіемъ времени, когда язычество утратило прежнюю свою силу, обрядъ «марены» утратилъ во многихъ мѣстахъ свой прежній торжественный религіозный характеръ и обратился въ шутку.

Такъ напр. въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на Волыни въ праздникъ Купалы до восхода солнца дѣвицы выбираютъ длинную палку, надѣваютъ на нее вѣнки и съ этой палкой выбѣгаютъ на улицу, пригвѣвая различными насмѣшками насчетъ паробковъ, въ родѣ такихъ:

Купала на Ивана
Сучка въ борщѣ упала
Хлопці вытягали,

Зубы поломали.
Дівчата граблями,
А хлопці зубами и т. д.

Паробки, услыхавъ эти насмѣшки, подкрадываются къ дѣвицамъ, нападаютъ на нихъ, отнимаютъ палку съ вѣнкомъ, вѣнкіе разрываютъ на куски, а палку переламываютъ и все это разбрасываютъ на улицу.

Послѣ чего дѣвушки берутъ новую палку и т. д.

Послѣ обѣда въ Ивановъ день дѣвушки, нарвавъ цвѣтовъ и сдѣлавъ изъ нихъ вѣнки для себя, дѣлаютъ изъ соломѣ чучело и, насадивъ его на палку, несутъ на извѣстное определенное мѣсто съ пѣснями и пляскою. Тамъ они ставятъ его на землю и, ставъ около него въ кружокъ, поютъ различныя пѣсни. Наконецъ, являются парни и разрываютъ чучело на части.

Въ концѣ этого обычая проглядываетъ уже обычай «проводовъ русалокъ», приуроченный въ настоящее время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ Троицыну дню, а въ другихъ мѣстахъ къ петровскому заговѣнью или даже къ первому понедѣльнику Петрова поста.

«Въ первый понедѣльникъ Петрова поста, говоритъ извѣстный русскій историкъ С. Соловьевъ, бывало въ нѣкоторыхъ мѣстахъ игрище: провожанье русалокъ: женщины снаряжали изъ соломѣ два чучела, въ видѣ женщинъ. Вечеромъ выходили женщины и дѣвицы на улицу, раздѣлялись на двѣ половины, и тихими хороводами приближались къ концу улицы. Здѣсь распѣвались невремѣнно хороводныя пѣсни. Во время пѣнія хороводница съ чучеломъ плясала. Послѣ пѣсенъ игроки сближались. Здѣсь открывалась война. Соломенную чучелу—русалку дѣвицы принимали на свои руки для защиты, а женщины, стоя кругомъ ихъ, нападали на другой хороводъ или защищались сами отъ нападенія. Бойцы изъ улицы переселялись на воле, гдѣ оканчивалось побоище растерзаніемъ чучелъ и разбрасываніемъ соломѣ по полю».

Въ Рязанской губ. проводы русалокъ совершаются въ заговѣье на Петровъ постъ. («Жив. Ст.», в. IV, 1891 г., стр. 202).

Конечно, проводы русалокъ перешли на начало Петрова поста съ какого-нибудь древняго языческаго праздника, такъ какъ начало Петрова поста или такъ называемое всѣхсвятское заговѣье есть враздвѣкъ, переходящій съ одного числа на другое. Нѣтъ никакого сомнѣнія и въ томъ, что эти проводы соединялись у древнихъ язычниковъ славянъ съ купальскими игрищами. На это указываетъ уже весьма близкое сходство, существующее между нѣкоторыми купальскими обрядами и обрядами, встрѣчающимися на проводахъ русалокъ. Сходство это мы замѣтили и выше. Перенесеніе русальныхъ игрищъ съ купальскаго торжества на начало Петрова поста было вполне естественнымъ и возможнымъ, такъ какъ начало Петрова поста очень часто совпадаетъ почти съ купальскими днями и всегда приходится вблизи ихъ.

Празднованіе проводовъ русалокъ, объясняемое нашими изслѣдователями съ большими натяжками, легко находить себѣ объясненіе въ нашей гипотезѣ о происхожденіи и значеніи купальскихъ игрищъ.

Русалки (сл. мавки) есть ничто иное какъ души умершихъ (Соловьевъ). Весною, когда вся природа оживаетъ, по вѣрованію древнихъ славянъ, оживали и души умершихъ и бродили по землѣ. Такъ какъ путь водный у всѣхъ языческихъ народовъ считался проводникомъ въ подземное царство и изъ него назадъ, то неудивительно, что, по народному повѣрью, съ начала весны русалки живутъ первоначально въ водахъ—въ рѣкахъ, озерахъ, колодцахъ. Съ троицына дня, по тому же народному повѣрью, русалки оставляютъ воды и живутъ въ лѣсахъ на деревьяхъ.

Если мы примемъ во вниманіе то обстоятельство, что нѣкоторые изъ обрядовъ, обычаевъ и вѣрованій, приуроченныхъ къ троицыну дню, соединялись первоначально съ купальскими игрищами, что между проводами русалокъ и купальскими игрищами существуетъ близкое сходство, то мы можемъ вполне основательно утверждать, что русальные проводы первоначально соединялись съ купальскими праздниками, были, очень можетъ быть, заключительнымъ звеномъ этихъ праздниковъ.

Дѣйствительно, души умершихъ, т. е. русалки есть представители царства смерти, тьмы и холода—поэтому то съ наступленіемъ весны, хотя они и оживаютъ, но обитаетъ все-таки въ темныхъ нѣдрахъ земныхъ водъ, еще холодныхъ весною. Но вотъ наступаетъ время купальскихъ дней. Солнце, «купающъ» въ водахъ, освящаетъ эти воды и оживотворяетъ ихъ. Умѣстно ли и возможно ли, поэтому, русалкамъ, представительницамъ смерти, обитать въ водахъ, освященныхъ купаньемъ живородящаго солнечнаго божества? Конечно нѣтъ. И вотъ, по народному повѣрью, они оставляютъ воды и лѣзутъ на земныя деревья, служившія по вѣрованію древнихъ славянъ жилищемъ мертвецовъ¹⁾. Но и эта попытка для нихъ является неудачной. Деревья съ наступленіемъ купальскихъ праздниковъ точно также освящены солнцемъ и получаютъ даже особую цѣлебную силу, на землѣ настало царство тепла, свѣта и жизни—представительницамъ смерти русалкамъ мѣста на землѣ уже болѣе не находится, для нихъ остаются только темныя нѣдра земли. Поэтому то и говорится въ одной купальской пѣснѣ:

Русалочки земляночки
На дубъ лѣзли, кору грызли,
Свалилися, забилися.

Выраженіе пѣсни «земляночки» ясно указываетъ на русалокъ, какъ на первоначальныхъ жителей земныхъ нѣдръ. Въ эти то нѣдра русалки, обезсиленные и скрываются послѣ купальскихъ праздниковъ.

Такимъ образомъ наше предположеніе, что русальные проводы являлись въ старину заключительнымъ звеномъ купальскихъ игрищъ, является вполне вѣроятнымъ.

Очень можетъ быть, что вслѣдствіе то этого соединенія русальныхъ проводовъ съ купальскими праздниками въ народѣ съ теченіемъ времени и образовался совершенно особый взглядъ на русалокъ, какъ на дѣвушекъ утопленницъ.

Припомнимъ, что во множествѣ купальскихъ пѣсней существуетъ рассказъ объ утонувшей дѣвушкѣ (зарѣ), фигурирующей подъ именами Марья, Ганна, Титаня и т. д.

Якъ пішла Ганна въ Дунай по воду Кладка схитнулася—Ганна втонула,
И ступила Ганна на хитку кладку. Якъ потопала, тричи зринала.

Ганна моя панна
Ягода червонна! (Волянь).

¹⁾ Касательно назанія по деревьямъ есть драгоцѣнное свидѣтельство, что, по мнѣнію древнихъ славянъ, должны были жить иногда на деревьяхъ, лазить по нимъ: въ житіи муромскаго князя Константина читаемъ: «Кони закалающе, и по мертвыхъ ременихъ плетения древолазная съ ними въ землю погребаяюще и битвы, и кроеніе, и лицъ настреканіе и дравіе творяще».

или же:

Меньшая (сестра) большую
Гулять втаёкъ (тайно) звала.
Пойдемъ, пойдемъ, сестраца
На берегъ на крутой,
Посмотрижъ тамъ, сестрица,

Чѣмъ берегъ украшенъ...
Меньшая большую
Стоянула въ рѣку,
Вода то сбушевалась
Подмыла берега и т. д. (Яр. губ.).

или же наконецъ:

Утонула Мареночка утонула
Та на верхъ кісоньки зринула.

Очень можетъ быть, что подъ вліяніемъ то этихъ пѣсенъ, распѣвавшихся на купальскихъ игрищахъ вообще, а въ частности и на русальныхъ проводахъ и нѣмѣнился первоначальный взглядъ народа на русалокъ.

Согласно высказанной нами гипотезѣ о значеніи и характерѣ древнихъ купальскихъ игрищъ намъ легко будетъ уяснить себѣ и названіе этихъ игрищъ. Купальскія игрища и праздники, продолжавшіеся безъ сомнѣнія въ теченіи пѣсколькихъ дней, совершались въ честь солнечной свадьбы, однимъ изъ актовъ которой было «купанье» солнца въ водахъ. Отсюда и названіе этихъ праздниковъ «купалы» (срав. святки, колядки, провода).

Такъ какъ купанье солнца могло быть замѣчаемо далеко не вездѣ, то во многихъ мѣстахъ быстро исчезли слѣды этого праздника подъ вліяніемъ христіанскаго вѣроученія. Въ другихъ же мѣстахъ слѣды эти сохранились и до настоящаго времени. Такъ какъ день св. Іоанна Предтечи былъ во время купальскихъ праздниковъ, совпадалъ съ ними, то съ распространеніемъ въ народѣ христіанства этотъ Ивановъ день въ отличіе отъ другихъ Ивановыхъ дней (Ивана, напр. Постнаго и т. д.) сталъ называться днемъ Ивана—«купалы», т. е. приходившагося въ купальскіе праздники.

Собственно названіе «купалы» заставляло уже задумываться многихъ грамотѣевъ еще въ XVI в.

Такъ, напримѣръ, въ одной рукописи XVI в. (Соф. № 1462, л. 82) находится слѣдующая статья: «что ради наречеса Иванъ вечеръ купалиницею и коса ради вины полезно естъ на различныя лѣчебныя по:ребы?» Книжники XVI в. отвѣтъ на этотъ вопросъ находятъ въ томъ, что будто въ этотъ день «Товить купаса съвѣтомъ ангеловымъ, мѣсяца іуліа въ день 23».

Ясно, что въ XVI в. народъ уже не помнилъ о первоначальномъ характерѣ и происхожденіи купальскихъ игрищъ. Самыя эти игрища подверглись значительнымъ измѣненіямъ и искаженіямъ. Такъ, напр., въ позднѣйшихъ вариантахъ купальскихъ пѣсенъ «марѣна» или «вилъца» называется уже «купаломъ».

На города лопухъ, лопухъ —
Писковскимъ хлопцямъ
Живить опухъ.
Ныхай пуяне, ныхай знаютъ,

Ныхай купа йла ны ломають.
Наше купайло до мѣсяца
Писковски хлопци повисатьця.
(«Жив. Ст.», в. I, 1894 г., стр. 89).

Неудивительно, что польскіе историки XVII в. Кромѣръ, Стрыйковский, Гваньинъ на основаніи этихъ искаженныхъ купальскихъ пѣсенъ и обрядовъ, вополнѣ непонятныхъ для нихъ, создали несуществовавшее божество славянъ—бога «Купалу». Ошибку эту повторили и многіе изъ новѣйшихъ изслѣдователей. Между тѣмъ ни Несторъ, ни другіе древнѣйшіе писатели, упоминая о прочихъ славянскихъ богахъ, не упоминаютъ вовсе о имени божѣ «Купалъ».

А. Балова.